

ВЕРНИ

ТЕ, КОГО
ПОМНЯТ

Дмитрий Егоров

Верен Те, кого помнят

<https://litres.ru/74446124>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Верене люди исчезают, а город продолжает жить так, будто их никогда не было. Лица пропадают с фотографий, документы пустеют, близкие забывают друг друга. Журналист Илья Серов встречает Лею — девушку, которую мир постепенно стирает. Вместе с фотографом Мартой он начинает расследование, ведущее к собственному забытому прошлому. Но здесь воспоминания могут оказаться подменой, а спасение — ещё одной формой чужого контроля. Чтобы вернуть исчезнувших, Илье придётся понять, как сохранить человека, не решая за него, кем он должен быть.

Содержание

Предисловие	5
Человек, которого не было	9
Следы, которые исчезают	24
То, что остаётся	36
То, что нельзя забыть	49
Правила удержания	62
То, что против	74
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Дмитрий Егоров

Верен Те, кого помнят

Верен

Те, кого помнят

Роман

Предисловие

В городе легко не заметить человека. Он выходит из автобуса, сворачивает за угол, попадает на случайный снимок. Кажется, в этом нет ничего страшного: мы не обязаны помнить каждого встречного. Где-то у него остаются дом, знакомый голос в телефоне, чашка на кухне. Кто-то знает, когда он обычно возвращается.

Но что, если однажды исчезнет не человек, а всё, что позволяет другим узнать о его отсутствии? Не станет заявления о пропаже. Уменьшится число обращений в таблице. Мать поставит на стол вторую чашку и не сумеет объяснить, для кого. Город продолжит жить, не испытывая никакой нехватки.

Верен умеет выглядеть обычным. В нём горят фонари, идут дожди, остывает кофе в редакции. Люди спорят о пустяках и откладывают важные разговоры. Здесь, как и повсюду, очень хочется однажды получить правильное объяснение и больше ни в чём не сомневаться.

У этой истории есть другая потребность: не позволить объяснению оказаться важнее человека.

Память не обязана быть безупречной, чтобы оставаться нашей. Можно ошибаться в датах, забывать лица, не находить нужного слова. Можно слушать чужой рассказ и не соглашаться с ним. Гораздо страшнее потерять саму возмож-

ность сказать: «Я помню иначе» — и остаться после этого услышанным.

Всё начинается с небольшого несовпадения. С лишнего стула, пустой строки, голоса, который спрашивает, не забыт ли он. Его легко принять за случайность и вернуться к своим делам.

Но иногда кто-то задерживается. Переспрашивает имя. Сохраняет лист, который собирались выбросить. Не обещает понять всё, зато не отворачивается от того, чего пока не понимает.

С этого и начинается путь по городу, где нужно заново научиться замечать друг друга.

Содержание

Предисловие 2

Часть I. Те, кто исчезает

1. Человек, которого не было 6
2. Следы, которые исчезают 21
3. То, что остаётся 33
4. То, что нельзя забыть 45
5. Правила удержания 58
6. То, что против 70
7. След, который не стирается 81
8. Точка входа 91

Часть II. По ту сторону

9. Порог 102

- 10. Нарушение 113
- 11. Узел 123
- 12. Ниже уровня 134
- 13. Глубже 143
- 14. Предел удержания 153
- 15. По ту сторону 162
- 16. Структура 171
- 17. Ядро 180

Содержание

Часть II. По ту сторону

- 18. Сбой 191
- 19. Разлом 200

Часть III. Возвращение

- 20. После разлома 210
- 21. То, что осталось между нами 220
- 22. Вы уже были здесь 230
- 23. День, которого не было 240
- 24. Третий ребёнок 250
- 25. Последняя память 259
- 26. Цель 268
- 27. Испытание 276
- 28. Тот, кто помнит 284
- 29. Цена доверия 292
- 30. Между нами 300
- 31. Тот, кто всё помнил 308

32. После правды 318

33. Последний выбор 327

Часть I

Те, кто исчезает

Глава 1

Человек, которого не было

Город Верен строился на отражениях. Это было не поэтическое сравнение, а почти инженерный факт: вода, стекло и свет составляли его каркас так же, как бетон и металл. Днём фасады зеркалили друг друга, множа улицы до бесконечности; ночью лужи превращались в тёмные окна, в которые город заглядывал сам к себе. Люди привыкали не доверять глазам — и потому не замечали, когда исчезало что-то важнее изображения.

Утром на площади перед вокзалом мыли памятник человеку, чьё имя большинство горожан знало только по названию остановки. Рабочий в оранжевом жилете водил струей по плечу памятника; с бронзового воротника текла чёрная вода. В нескольких кварталах от площади продавщица цветов выставляла под навес ведра с хризантемами. На мосту стоял сломанный троллейбус, и люди выходили из него в дождь, раздражённые необходимостью пройти пешком какие-то четыреста метров. Всё происходило на виду. У каждого события была небольшая, понятная причина.

Илья особенно ценил эту часть города — ту, которую можно было объяснить. Редакция занимала второй этаж бывшего страхового общества. Лестница здесь прогнулась посередине, а стекло в двери главного редактора было матовым, с прозрачной полосой на уровне глаз. Когда Костин вы-

зывал кого-нибудь к себе, за этой полосой появлялся и исчезал чужой лоб. Илья иногда думал, что именно так и выглядит настоящая власть: человек виден не целиком, а только в той части, которой способен выразить недовольство.

В тот день Костин вышел сам. Постоял у батареи, потрогал её ладонью и сказал:

— Опять еле тёплая. Серов, у тебя материал готов?

— Почти.

— Это ты вчера говорил.

— Вчера он тоже был почти готов.

Костин заглянул на экран, прочитал заголовок и перестал улыбаться.

— Ты обещал объяснить, почему растёт число заявлений.

— А если оно не растёт?

— Тогда исправь заголовок.

— Я не могу даже это проверить. В понедельник у меня было тридцать одно обращение. Сейчас двадцать семь. Четыре карточки исчезли из выгрузки. Без отметки о закрытии.

Редактор потёр переносицу. На манжете его рубашки темнел след от тонера.

— Выгрузка могла обновиться.

— Могла. Поэтому я позвонил родственникам.

— И?

Илья развернул блокнот. На странице стояло «Г. П. Ерёмину», телефон и запись: «Сын не вернулся после смены». Ниже, другим нажимом: «Утверждает, что детей нет».

— Она разговаривала со мной двенадцать минут. Рассказала, в чём он был одет. Сегодня спросила, откуда у меня её номер.

Костин перечитал обе строки. Потом аккуратно придвинул блокнот обратно.

— Езжай к ней. Сверь имя. Адрес. Убедись, что это одна женщина, а не две. Если ошибся — хорошо. Если нет, будем думать.

— Ты веришь, что я мог перепутать?

— Я верю, что ты не спишь. Это пока единственный факт, который вижу лично.

Он уже шёл к двери, когда добавил:

— И убери из текста «власти замалчивают». Чтобы замалчивать, надо сначала что-нибудь знать.

Илья выделил фразу, которую редактор заметил через его плечо, и нажал клавишу удаления. После этого предложение стало короче и гораздо страшнее. Илья Серов работал с фактами и потому давно разучился верить очевидному. Он писал для городской редакции тексты, которые должны были объяснять происходящее простыми словами. Обычно это удавалось. Последние месяцы — нет.

На экране всё ещё стоял рабочий заголовок «Пропавшие без причины: статистика растёт». Теперь его нельзя было назвать ни точным, ни полезным. Внутри — цифры, даты, районы. Сведения расходились и ничего не объясняли. Он остановился на середине абзаца, перечитал написанное и стёр це-

лую строку. В тексте не хватало не фактов — смысла. Слишком много людей исчезали так, будто их аккуратно вынимали из ткани города, не рвя нитей вокруг. Камеры «теряли» кадры, свидетели путались в показаниях, а родственники спустя неделю начинали говорить о пропавших так, словно те давно уехали. Не умерли — именно уехали. Это было самое странное: исчезновения не оставляли следа трагедии, только глухую недоговорённость.

Костин однажды вернул ему заметку, в которой было написано: «За сухими цифрами стоят человеческие судьбы». Подчеркнул всю строку и спросил, почему за цифрами, а не вместо них. Илья тогда обиделся: фраза казалась вполне пригодной для городской газеты. Теперь, сравнивая выгрузки, он понял, что редактор имел в виду. Четыре исчезнувшие строки не означали просто изменение итогового числа. У каждой был адрес, дата обращения, человек, который надеялся получить ответ. Илья завёл отдельный лист расхождений. Не стал восстанавливать пропущенное по догадке: поставил прочерки там, где не мог подтвердить сведения, и выписал всё, что ещё оставалось в старой копии.

Он не знал, почему данные меняются. Но уже понимал, что исправная таблица и правдивая история — не одно и то же.

За спиной скрипнула дверь.

— Ты опять пишешь про это?

Илья не обернулся.

— Я пишу то, за что платят.

— Тебе платят за тексты, а не за то, чтобы ты делал вид, будто понимаешь, — сказала Марта.

Она вошла, поставила на край стола фотоаппарат и, не спрашивая, сдвинула в сторону его чашку с остывшим кофе. Марта снимала город уже семь лет и видела его под углами, к которым Илья не имел доступа. Возможно, поэтому он ей доверял больше, чем хотел признавать. На левом рукаве её куртки висела нитка. Марта заметила, что он смотрит, оторвала её и положила в карман. Даже маленький мусор она никогда не оставляла на чужом столе; зато могла без спроса переставить всё на нём, если считала, что так удобнее работать.

Они познакомились на пожаре в общежитии. Илья тогда только устроился в редакцию и старательно записывал число эвакуированных, этажность здания и время прибытия расчётов. Марта спросила, поговорил ли он с женщиной в домашних тапочках. Он ответил: «Зачем? Она не пострадала». Марта молча указала на её руки. Женщина прижимала к груди пустую переноску для кошки.

С тех пор Илья не любил вспоминать свой первый вопрос. Марта никогда о нём не напоминала, и это было одной из причин, по которым он продолжал работать с ней.

— Ты проявляла? — спросил он, кивнув на влажный след у неё на пальце.

— Печатала. Дважды.

— Опять хотела доказать, что экран врёт?

— Сегодня получилось наоборот.

Она расстегнула сумку не сразу. Два раза потянула бегунок молнии не в ту сторону. Илья перестал откидываться на спинку кресла.

— Что случилось?

— Сначала посмотри. Потом решим, как это называть.

Он знал эту интонацию. Она появлялась у Марты, когда на место обычного раздражения приходило что-то, с чем она ещё не научилась обращаться.

— Тогда помоги понять, — сказал он.

Марта молча положила перед ним несколько снимков. Бумага была ещё тёплой — она печатала их сама, не доверяя лаборатории. Илья взял верхний. На фотографии была улица — обычная, ничем не примечательная: вывески, припаркованные машины, прохожие. Центр кадра, однако, выглядел странно. Пустота не бросалась в глаза сразу, но стоило задержать взгляд — и становилось очевидно: композиция «ждала» человека. Линии сходились, как будто кто-то стоял именно там, где теперь не было никого.

— И что? — спросил он.

— Я снимала мужчину, — ответила Марта. — Он попросил не фотографировать лицо. Я согласилась. Сделала три кадра. На всех — пусто.

— Ты уверена, что он не вышел из кадра?

— Я с ним разговаривала между снимками. Он не двигал-

ся. — Марта выдержала паузу. — И я не помню его лица.

Илья отложил снимок и посмотрел на неё. Она не шутила. С ней вообще редко случались шутки.

— Ты не помнишь лицо человека, с которым разговаривала совсем недавно?

— Я помню, что у него был голос. Низкий. Спокойный. Я помню, что он держал руки в карманах. Помню, что он попросил не снимать лицо. Но когда пытаюсь представить — ничего. Пусто. Как на снимке.

Илья взял следующий кадр. Та же улица, тот же ракурс, та же пустота. Он попытался представить человека в центре — и неожиданно понял, что не может подобрать ни одной детали, которая «села» бы на место. Любой образ казался лишним.

— Это может быть брак, — сказал он, скорее из профессиональной необходимости возразить, чем из убеждения. — Свет, выдержка, сбой матрицы.

— Тогда почему сбой совпадает с моей памятью? — тихо спросила Марта.

Вопрос повис между ними. Илья не любил такие совпадения. В его работе они означали, что где-то рядом лежит причина, которую никто не хочет видеть. Телефон завибрировал на столе. Неизвестный номер. Илья помедлил, глядя на экран, словно пытался вспомнить, откуда ему знаком этот набор цифр. Ничего.

— Да.

Несколько секунд — только дыхание на линии. Затем голос. Тихий, как будто человек говорил не в трубку, а в пространство рядом с собой.

— Вы меня ещё помните?

Илья нахмурился.

— Представьтесь.

— Это важно. Скажите сначала: вы меня помните?

В голосе не было истерики. Скорее, отчаянная дисциплина — как у человека, который держится за порядок слов, потому что иначе всё распадётся.

— Нет, — сказал Илья. — Я вас не знаю.

На другом конце коротко вдохнули.

— Тогда у меня мало времени.

— Для чего?

— Чтобы вы успели. — Секунда тишины. — Пожалуйста, не записывайте это как «очередной звонок». Я... — он запнулся, словно подбирая слова, которые ускользали. — Я уже звонил вам.

— Когда?

— Неделю назад. И вчера. Вы говорили, что перезвоните.

Илья автоматически посмотрел на список последних вызовов. Прежних звонков с этого номера не было.

— У меня нет записей об этом.

— Они исчезают, — спокойно сказал голос. — Как и всё остальное.

Илья почувствовал, как в груди неприятно стягивается

что-то вроде предчувствия. Не страх — хуже. Логика, которая начинает складываться в сторону, где не должно быть решения.

— Что именно исчезает?

— Я. — Тихий выдох. — И вы тоже будете.

Связь оборвалась. Илья опустил телефон и некоторое время смотрел на чёрный экран, ожидая, что он снова загорится. Не загорелся.

— Кто это? — спросила Марта.

— Человек, который уверен, что его не существует, — ответил Илья.

— И ты ему поверил?

Илья не ответил. Он снова взял снимок. Пустота в центре кадра больше не казалась просто отсутствием. В ней было намерение.

— У нас есть адрес? — спросил он.

— Я не спрашивала, — сказала Марта. — Он ушёл почти сразу. Сказал, что не хочет задерживаться в одном месте.

— Почему?

— «Так быстрее находят», — процитировала она.

Илья кивнул. Фраза звучала нелепо и вместе с тем слишком точно ложилась на ощущение, которое у него возникло после звонка. Он открыл базу пропавших, вбил параметры — дата, район, примерный возраст. Список получился длинным. Слишком длинный. Илья отфильтровал по последней неделе. Несколько имён. Он начал открывать карточки по

очередь.

На третьей вкладке он остановился. Файл открывался пустым. Не сообщением «нет данных» — именно пустым. Как будто страница существовала, но содержимое было аккуратно вырезано.

— Подойди, — сказал он.

Марта наклонилась к экрану.

— Видишь?

— Пусто.

— А в списке он есть, — сказал Илья. — Идентификатор, дата создания, время обновления. Но внутри — ничего.

— Может, не загрузилось?

Илья обновил страницу. Ничего не изменилось.

— Тогда у нас проблема не со снимками, — сказала Марта.

Илья кивнул. Он уже понял это. Они всё-таки потратили сорок минут на самые скучные объяснения. Перезагрузили страницу на другом компьютере, вошли в редакционную учётную запись заново, открыли остальные карточки за ту же дату. Карточка с номером 3147 вела на пустой лист. В списке возле номера ещё сохранялась пометка: «Из документа заявителя». Сам документ уже не открывался, но для карточки между соседними записями оставалось место. Как выбитый зуб: отсутствие само по себе превращалось в признак.

Марта поднесла к экрану фотографию. На белом поле страницы отражались её пальцы, край снимка и плечо Ильи.

Ему стало неприятно от того, как легко две пустоты совместились в одну.

— Секунду, — сказал он. — Не убирай.

— Что?

— Ничего. Просто подумал.

Он не стал фотографировать экран. Вместо этого начертил в блокноте прямоугольник и подписал, что видел. От этого стало стыдно: взрослый человек, журналист, зарисовывает неисправную веб-страницу, будто это след неизвестного зверя. Но стыда оказалось недостаточно, чтобы заставить его остановиться. В общем зале зазвонил телефон. Кто-то громко объяснял, что объявление о продаже гаража стоит денег даже для постоянного читателя. Потом включился принтер; за стеной рассмеялись. Илья слушал эти звуки с неожиданной благодарностью.

— У тебя есть ещё копии? — спросил он.

— Исходники дома и на карте. Эти отпечатки оставь себе.

— А ты?

— Сделаю другие.

Марта убрала фотоаппарат в сумку, но не ушла. Прислонилась к подоконнику и посмотрела вниз, на мокрый двор, где курьер пытался накрыть пакетом седло велосипеда.

— Когда он попросил не снимать лицо, я решила, что он боится публикации, — сказала она. — Сказала: можете отвернуться. А он ответил, что это не имеет значения.

— Почему ты сразу не рассказала?

— Потому что вспомнила только сейчас.

Илья открыл блокнот снова.

— Всё-таки вспомнила.

— Да. — Она повернулась к нему. — Не знаю, хорошая ли это новость.

Когда Марта ушла, он ещё раз набрал номер незнакомца. В трубке раздалось сообщение о том, что номер не обслуживается. Слова были привычными, произнесёнными безупречно спокойным голосом. Илья дослушал их до конца, словно за записью могла остаться пауза, в которую ещё можно было успеть сказать человеку: «Теперь я готов вас слушать».

Вечером он вышел из редакции позже обычного. Дождь не усилился и не ослаб — просто продолжал идти, как будто у него не было причины останавливаться. Илья пошёл пешком, хотя мог вызвать такси. Ему нужно было время, чтобы разложить всё по полкам, как он делал это всегда. Факты: есть серия исчезновений. Есть свидетельства, которые теряют чёткость со временем. Есть цифровые следы, которые ведут в никуда. Есть фотография, на которой отсутствует объект съёмки. И есть звонок человека, утверждающего, что он уже обращался к Илье — без следов этого обращения.

Вывод: либо совпадение, либо система. Илья не верил в такие совпадения. Он остановился у перекрёстка, когда светофор сменился на красный. В витрине напротив он увидел своё отражение — размытое дождём, как будто его тоже кто-

то постепенно стирал. Мысль была неприятной, но он не стал её отталкивать. Чувство взгляда пришло раньше, чем он повернулся. Не тревога — внимание. Как если бы кто-то долго искал его в толпе и наконец нашёл. Он обернулся.

Она стояла под фонарём, чуть в стороне от потока людей. Тёмное пальто, мокрые пряди волос, прилипшие к вискам. Лицо — бледное, но не болезненное, скорее лишённое цвета, как у фотографии, из которой убрали насыщенность. Глаза... Илья поймал себя на том, что не может сразу определить их цвет. Не потому, что было темно — просто взгляд скользил, не находя точки опоры.

Он сделал шаг к ней.

— Мы знакомы?

Она посмотрела на него внимательно, как смотрят на человека, от ответа которого зависит нечто большее, чем разговор.

— Скажи честно, — тихо произнесла она. — Ты меня видишь?

Вопрос был настолько странным, что Илья автоматически проверил очевидное: силуэт, движение, отражение в луже у её ног. Вода дрожала от капель дождя, но отражение было. Чёткое. Илье хотелось принять это за доказательство, что женщина существует не только в его воображении.

— Да, — сказал он.

Она закрыла глаза на мгновение, и в этом жесте было облегчение, которое не соответствовало простоте вопроса.

— Тогда всё ещё можно исправить.

— Что именно?

Она открыла глаза. Теперь Илья заметил, что зрачки у неё чуть шире, чем должны быть при таком свете. Как будто она всё время смотрела в темноту.

— Меня.

Он хотел спросить, что она имеет в виду, но слова не успели оформиться. Машина проехала по лужам, брызги взлетели выше колена, свет фар на секунду ударил в глаза. Илья моргнул. Когда он снова посмотрел на то место, где она стояла, там никого не было. Он быстро огляделся. Люди шли, не останавливаясь. Никто не оглядывался. Никто не заметил исчезновения. Илья сделал два шага вперёд, заглянул за угол, посмотрел в отражения витрин — нигде. Он вернулся к лужице под фонарём. Вода успокоилась. Отражение пустоты было ровным, как если бы там никогда никого не было. Илья медленно выпрямился.

Логика требовала вариантов: она могла уйти, скрыться в толпе, свернуть за секунду. Но тело не верило ни одному из них. Слишком быстро. Слишком чисто. Он достал телефон, открыл заметки и набрал: «Женщина. Перекрёсток у редакции. Видел. Её слова: „Ты меня видишь?“, „Тогда всё ещё можно исправить“. Исчезла при свете фар». Он добавил время и дату. Подумал секунду и прикрепил фото перекрёстка, сделанное на камеру.

Сохранил. Экран моргнул. Запись на секунду исчезла, за-

тем снова появилась. Илья нахмурился, открыл её ещё раз. Текст был на месте. Он убрал телефон в карман.

— Ладно, — тихо сказал он, не зная, кому именно. — Посмотрим, кто кого сотрёт.

Он повернулся и пошёл дальше, уже понимая, что статья про «статистику» ему больше не понадобится.

Глава 2

Следы, которые исчезают

Илья почти не спал. Ночь распалась на короткие отрезки, между которыми не было ни снов, ни покоя — только возвращающиеся фрагменты разговора, чужой голос в телефоне и лицо, которое он уже начинал терять. Это пугало сильнее всего. Он помнил, что видел её. Помнил слова, интонацию, даже расстояние между ними. Но когда пытался удержать образ — детали ускользали, как если бы память отказывалась фиксировать её полностью.

Утром он первым делом открыл записку. Текст был на месте. Он перечитал его медленно, как будто проверял не содержание, а сам факт существования. Затем открыл фотографию перекрёстка. Пустая улица, мокрый асфальт, свет фонаря. Ничего лишнего. Илья увеличил изображение, приблизил участок под фонарём. Пиксели распались на зерно, но никакого следа не появилось.

— Логично, — пробормотал он. — Было бы слишком просто.

На кухне закипел чайник. Илья не помнил, когда поставил его на плиту. Над носиком поднимался пар, ложка лежала поперёк чашки, на столе стояла открытая банка растворимого кофе. Обычная утренняя последовательность успела совершиться без его участия, пока он смотрел на экран. Раньше это не тревожило. Человек не обязан помнить каж-

дое движение. Теперь между привычкой и потерей обнаружилась узкая полоска земли, на которой нельзя было уверенно стоять.

Он взял чайник за ручку. Зелёная эмаль возле основания облупилась ещё в его детстве, когда отец пытался починить крышку и уронил его на кафель. Отец потом уверял, что предмет приобрёл характер. Илья ответил, что характер стоил новой плитки. Они рассмеялись; потом пили чай, придерживая крышку сложенным полотенцем. Он удержал эту картину целиком: белый рукав, смешок, жёлтый квадрат полотенца. Она не распалась. Значит, пока память работала хотя бы там, где от неё не требовали невозможного.

Илья записал на чистом листе три вещи: цвет чайника, вчерашнюю фразу Марты и номер карточки. Сложил лист, положил под сахарницу. Ему хотелось придумать проверку, которая утром следующего дня покажет не только то, что он потерял, но и сам факт потери. Телефон показывал семь двадцать. Он мог позвонить Марте, но представил её сонный голос, вопрос «что случилось?» и понял, что не способен ответить короче, чем за полчаса. Вместо звонка написал: «Буду в редакции рано. Возьми исходники».

Ответ пришёл, когда он уже надевал ботинки: «Я тоже». Эти два слова подействовали лучше кофе.

До редакции он добрался раньше обычного. На лестнице ещё пахло водой, которой только что вымыли ступени; в коридоре горела одна лампа. Илья включил компьютер,

освободил место рядом с клавиатурой и несколько секунд смотрел, как загружается рабочая база. После бессонной ночи ему хотелось начать с чего-нибудь проверяемого. Он открыл редакционную базу и снова нашёл вчерашний «пустой» файл. На этот раз страница загрузилась с задержкой. На долю секунды мелькнула строка текста — и исчезла. Илья замер. Он не успел прочитать, но успел заметить, что текст был.

Он обновил страницу. Пусто. Илья откинулся на спинку стула, закрыл глаза и попытался восстановить увиденное. Не получилось. Как будто память сработала так же, как база данных.

— Хорошо, — тихо сказал он. — Тогда по-другому.

Он достал блокнот. Бумага не «обновляется». Не исчезает сама по себе — по крайней мере, не сразу. Он записал: «Карточка № 3147 — контент появляется на долю секунды и пропадает. Возможна задержка или принудительное скрывание. Проверить кэш/локальные копии». Добавил: «Проверить, исчезают ли записи со временем». Когда он поднял голову, в дверях уже стояла Марта.

— Ты выглядишь так, как будто решил не спать вообще, — сказала она.

— Проверяю гипотезу.

— Какую?

— Что мы имеем дело не с исчезновениями, а с процессом, — ответил Илья. — И он затрагивает не только людей. Марта подошла ближе.

— Нашёл что-то?

— Почти. — Он развернул к ней экран. — Видишь?

— Пусто.

— Оно не всегда пусто. Я видел текст. На секунду.

— И не запомнил?

— Нет.

Марта кивнула, как будто это подтверждало её собственные мысли.

— Тогда дело не в данных, — сказала она. — А в нас.

Илья закрыл страницу.

— Возможно. Но если это так, значит, есть способ зафиксировать информацию до того, как она «исчезнет».

— Бумага?

— И не только. — Он взял телефон, открыл диктофон. — Голос. Видео. Любые носители.

— Ты думаешь, это поможет?

— Я думаю, это единственное, что можно проверить.

Марта некоторое время смотрела на него, затем кивнула.

— Тогда давай проверим на чём-то реальном.

— Например?

Она достала из сумки ещё одну фотографию. На ней был перекрёсток, где Марта снимала незнакомца, — с другого ракурса. Илья сразу заметил разницу: в правом нижнем углу отражалась витрина магазина.

— Смотри, — сказала Марта.

Она достала телефон, открыла галерею и показала исход-

ный кадр. На экране человек был. Размытый, повёрнутый боком, без лица — но он стоял в центре. Илья почувствовал, как внутри что-то резко сместилось.

— Это тот же снимок?

— Да. Это исходный файл, с которого я печатала.

— Почему на бумаге его нет?

— Не знаю.

Илья взял телефон, приблизил изображение. Фигура была нестабильной, как будто «плыла» по пикселям.

— Перешли мне, — сказал он.

Марта отправила файл. Илья открыл снимок из сообщения. Человека на нём не было. Он поднял глаза.

— Повтори.

Она нахмурилась, отправила ещё раз. На её экране человек ещё был виден. На его снимке — нет.

— Ты видишь? — спросила она.

— Нет.

— Я вижу.

Они одновременно посмотрели на два экрана, на которых существовали разные версии одной реальности. Марта придвинула свой телефон к его телефону вплотную.

— Подожди с выводами. Что именно ты видишь на моём?

— Человека. Правое плечо. Пальто.

— А на своём?

— Фонарь. За ним вывеску. Там, где плечо, видна буква.

Они поменялись местами, потом телефонами. Различие

осталось привязано к изображениям: на одном слабая фигура держалась, на другом её не было. Илья почувствовал почти радостное облегчение. Значит, хотя бы в эту минуту им не показывали разные миры прямо в глаза.

— Отправка меняет файл, — сказал он.

— Может быть. Или мы смотрим на него позже, чем надо. Или копия появилась уже без человека. Давай пока запишем только то, что видели.

Марта произнесла это осторожно, и он понял: она защищает их не от странного объяснения, а от слишком быстрого. Они повторили опыт с фотографией стула. Стул благополучно пережил пересылку. Затем Марта сняла руку Ильи на столе, и рука тоже осталась на месте. Когда они снова открыли уцелевший кадр с мужчиной, его плечо стало почти прозрачным.

— Я ничего не нажимала, — сказала Марта.

Он видел её пальцы. Они лежали на краю стола, далеко от экрана. У Ильи зазвонил редакционный телефон. Костин спрашивал, отправил ли он запрос. Илья ответил, что отправил, и только после того, как положил трубку, понял: он не помнит, о каком запросе шла речь. Марта всё это время смотрела на фотографию.

— Теперь у меня тоже пусто, — сказала она.

Он хотел предложить ещё одну проверку. Но у неё дрогнула нижняя губа, и впервые за утро он заметил, как сильно она устала.

— Перерыв, — сказал Илья. — Пять минут.

— За пять минут может исчезнуть ещё что-нибудь.

— За пять минут мы хотя бы успеем понять, что уже исчезло.

Марта кивнула. Телефоны остались на столе, рядом, с одинаковыми пустыми перекрёстками на экранах. Илья медленно выдохнул.

— Значит, это не глобально, — сказал он. — Это выборочно.

— Или поэтапно, — добавила Марта.

Он кивнул.

— Тогда нам нужно опередить процесс.

— Как?

Илья задумался.

— Найти того, кто уже внутри него.

— Внутри?

— Да. Того, кто исчезает прямо сейчас.

Марта молча посмотрела на него.

— У тебя есть кандидат?

Илья не ответил сразу. Перед глазами снова возникло лицо под фонарём. Или то, что от него осталось.

— Возможно, — сказал он.

Днём Илья съездил по адресу Ерёминой. Это было поручение Костина, нормальная работа, и он держался за него с той же решимостью, с какой утром держался за зелёный чайник. Дом оказался пятиэтажным, с облупленными лоджия-

ми. У нужной квартиры стояли две пары резиновых сапог: маленькие женские и большие, со сломанной петлёй на заднике. Илья посмотрел на них прежде, чем нажать звонок.

Женщина открыла дверь на цепочку. Он назвал редакцию и своё имя. На слове «сын» она изменилась в лице — не испугалась, а как будто приготовилась терпеливо исправлять чужую невежливость.

— Вы ошиблись. Я вам объясняла по телефону.

— Можно я покажу запись? Может быть, вы узнаете голос.

— Чей?

— Свой.

Он включил короткий фрагмент. Из динамика раздался его вопрос: «Во сколько Павел обычно возвращается?» Потом шуршание, кашель и женский голос: «Около одиннадцати. Когда с ночной — утром». Ответ ещё был в записи. Илья едва не отпрянул от неожиданности: он приготовился к пустоте и не знал, что делать с сохранившимся свидетельством.

Галина Павловна слушала нахмурившись.

— Похоже, — сказала она наконец. — Но я такого не говорила.

— А сапоги чьи?

Она посмотрела вниз.

— Сосед оставил.

— Какой сосед?

Цепочка натянулась. Женщина начала закрывать дверь, и Илья понял, что превращает её собственный порог в место

допроса.

— Простите. Я оставлю визитку. Если вспомните, зачем звонили.

Она взяла карточку двумя пальцами. Уже из-за почти закрытой двери спросила:

— Вы сказали — Павел?

— Да.

Илья замер. На лестнице хлопнула дверь этажом ниже, кто-то закричал ребёнку, чтобы тот не бежал.

— Хорошее имя, — сказала женщина.

Замок щёлкнул. Спускаясь, Илья записал всё на обороте чека из кофейни: адрес, ответы Ерёминой и две пары сапог у двери. Отдельно отметил сломанную петлю на большом сапоге. Чек вложил в блокнот. Он не знал, существовал ли Павел Ерёмин. Зато видел, как женщина задержала дыхание перед тем, как произнести его имя. Он понимал, что этого недостаточно для статьи. Для возвращения на перекрёсток этого оказалось достаточно. К вечеру дождь усилился. Город стал темнее, плотнее, как будто вода стягивала пространство, делая его менее устойчивым. Илья вернулся на тот же перекрёсток. Он не рассчитывал на удачу. Скорее, на закономерность. Если процесс повторяется, он должен оставлять хотя бы слабый след. Он включил диктофон.

— Девятнадцать сорок три. Перекрёсток у редакции. Повторное наблюдение.

Голос звучал ровно. Это было важно. Он сделал несколь-

ко шагов вперёд и остановился под тем же фонарём. Ничего. Люди проходили мимо, не обращая на него внимания. Машины ехали, свет дробился в воде. Илья уже собирался выключить запись, когда почувствовал то же самое. Взгляд. Он обернулся быстрее, чем в прошлый раз. Она стояла там же.

Точно в том же месте. Как будто не уходила.

— Ты пришёл, — сказала она.

Илья сделал шаг к ней.

— Ты знала, что я вернусь?

— Я надеялась, что ты не забудешь.

Он остановился на расстоянии вытянутой руки.

— Ты вчера исчезла.

— Я не исчезла. — Она покачала головой. — Это ты перестал меня видеть.

— Разница есть?

Она посмотрела на него внимательно.

— Огромная.

Илья включил камеру на телефоне и направил объектив на женщину.

— Не надо, — сказала она тихо.

— Почему?

— Потому что это ускоряет.

— Что именно?

— Исчезновение.

Он не опустил телефон.

— Мне нужны доказательства.

Она сделала шаг назад.

— Тогда у тебя их не будет.

Илья медленно опустил руку.

— Хорошо. Тогда по-другому. Кто ты?

Она на секунду закрыла глаза, словно собираясь с силами.

— Я та, кого ты уже пытался найти.

— Когда?

— До того, как забыл.

Илья почувствовал, как внутри поднимается холод.

— Я не забываю такие вещи.

— Уже забыл.

Она подошла ближе.

— Слушай внимательно. У тебя есть максимум несколько дней, прежде чем ты начнёшь терять больше.

— Терять что?

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Меня. Себя. Всё, что связано с этим.

Илья сжал телефон в руке.

— Почему это происходит?

— Потому что ты уже слишком близко.

— К чему?

Она не ответила сразу. Илья заметил, как её контур стал чуть менее чётким. Едва заметно. Но достаточно, чтобы это нельзя было игнорировать.

— Ты видишь? — тихо спросила она.

— Да.

— Тогда запоминай. Пока можешь.

Он сделал шаг вперёд.

— Подожди. Как тебя зовут?

Она улыбнулась. Грустно.

— Это первое, что исчезает.

— Тогда скажи сейчас.

Она открыла рот, чтобы ответить. И в этот момент свет фонаря дрогнул. На долю секунды. Илья моргнул. Когда он снова посмотрел — её не было. Он резко обернулся, сделал несколько быстрых шагов, оглядываясь. Пусто. Только дождь. И звук собственного дыхания. Он замер, затем медленно опустил телефон и остановил запись.

Несколько секунд он просто смотрел на экран. Потом нажал «воспроизвести». Из динамика раздался его голос:

— Девятнадцать сорок три. Перекрёсток у редакции. Повторное наблюдение.

Шум дождя. Шаги. И затем — тишина. Никакого второго голоса. Илья закрыл глаза. Очень медленно вдохнул.

— Хорошо, — сказал он тихо. — Тогда играем по вашим правилам.

Он открыл новую заметку. И начал писать всё заново.

Глава 3

То, что остаётся

Утро началось с проверки. Илья проснулся раньше будильника и не сразу понял, что именно его разбудило. В комнате было тихо, дождь за ночь закончился, и впервые за несколько дней город звучал иначе — без постоянного фона воды. Эта тишина казалась непривычной, как если бы кто-то убрал слой шума, за которым раньше можно было спрятаться.

Он сел на кровати и первым делом потянулся к телефону. Заметки. Он открыл последнюю. Текст был. Илья медленно выдохнул. Он перечитал всё, что записал ночью: разговор, слова, свои выводы. Каждая строка была якорем. Пока они существуют — существует и факт произошедшего. Но этого было недостаточно. Он открыл диктофон.

Запись длилась чуть больше двух минут. Илья включил её. Сначала — его голос. Чёткий, ровный. Потом шаги, шум улицы. Затем — тишина. Он дослушал до конца. Ничего нового. Никакого второго голоса. И всё же он знал, что разговор был. Это была не вера — знание. Та редкая форма уверенности, которая не требует доказательств, но именно поэтому выглядит опасно. Илья остановил запись и на секунду закрыл глаза.

— Значит, не звук, — сказал он тихо. — Не изображение. Не цифра.

Он встал, подошёл к столу, открыл блокнот. Бумага пока сохраняла больше, чем записи в телефоне. Надёжным это её ещё не делало. Он быстро написал: «Аудио не фиксирует вторую сторону. Видео — вероятно, тоже. Фото — частично. Цифровые данные нестабильны. Память субъективна. Бумага — стабильна (пока не проверено на длительном промежутке)».

Он остановился. И добавил ещё одну строку: «Следующий шаг — проверка других наблюдателей». Когда Илья добрался до редакции, там было почти пусто. Утренние смены приходили позже, и у Ильи было время, чтобы поработать без лишних вопросов. Марта уже была там. Она сидела за своим столом, просматривая фотографии на компьютере. Экран освещал её лицо холодным светом.

— Ты рано, — сказал Илья.

— Ты тоже, — ответила она, не отрывая взгляда.

Он подошёл ближе.

— Есть изменения?

Марта нажала несколько клавиш и развернула экран к нему.

— Смотри.

На мониторе была та же серия снимков. Но теперь разница между ними стала очевиднее. На первом человек ещё оставался виден. Марта пояснила, что открыла исходную серию с карты памяти: вчера на телефоне фигура исчезла, а здесь ещё держалась. Размытый, нестабильный силуэт всё-

таки можно было различить. На втором — его контур «размывался», как если бы кто-то аккуратно стирал его ластиком. На третьем — пусто. Илья нахмурился.

— Это не просто исчезновение, — сказал он. — Это процесс.

— Я же говорила, — тихо ответила Марта.

— Когда ты делала снимки?

— В течение двух минут.

— Возможно, это происходило прямо во время съёмки.

— Возможно. Но мы видели, что и потом изображение менялось.

Илья задумался.

— Значит, мы можем зафиксировать стадии.

— Если успеем.

Он кивнул.

— Нам нужен кто-то ещё.

Марта посмотрела на него.

— Ты про неё?

Илья не ответил сразу.

— Она — единственная, кто знает, что происходит, — сказал он наконец.

— Или делает вид.

— В любом случае, она внутри этого.

Марта закрыла программу. В пустом экране отразилось её лицо. Несколько секунд она рассматривала его, словно проверяла настройку резкости.

— Давай договоримся, — сказала она. — Если кто-то из нас забывает разговор, другой не делает вид, что это усталость.

— Согласен.

— И если один начинает видеть то, чего второй не видит, мы записываем разницу. Не спорим до победы.

Илья кивнул, но она продолжала смотреть на него, ожидая большего.

— Что ещё?

— Вчера, когда ты предложил остановиться на пять минут, ты говорил так, будто перерыв нужен мне одной.

— Ты выглядела...

— Я знаю, как выглядела. Но усталость не делает меня менее правой.

Он хотел возразить и вместо этого подвинул к ней блокнот.

— Записывай условия.

Марта покачала головой.

— Сам. Тебе полезнее.

Он написал: «Не объявлять догадку фактом. Не считать несогласие помехой. Проверять друг друга». Последняя строка показалась ему нелепо общей. Он дописал: «Даже когда очень хочется быть правым». Марта прочитала через его плечо.

— Вот это оставь.

В коридоре появились первые сотрудники. Секретарь

принесла пачку писем, верстальщик ругался на неправильно названные фотографии. Мир понемногу входил в рабочий ритм. Илья вдруг понял, как легко их разговор можно было пересказать иначе: два человека не выспались, испугались дефекта снимка, подхватили друг у друга тревогу. Для такого пересказа не понадобилось бы ни одного выдуманного факта. Только несколько пропущенных.

Он закрыл блокнот. Теперь они хотя бы знали, чего не должны пропускать сами.

— И как ты собираешься её найти?

Илья на секунду замолчал.

— Она уже нашла меня.

Он вернулся на перекрёсток днём. Без дождя город выглядел иначе. Чётче. Реальнее. Но это ощущение не успокаивало — наоборот, казалось, что именно в такой «ясности» легче что-то скрыть. Илья стоял у фонаря и смотрел на поток людей. Он не ждал чуда. Он ждал повторения. Прошло десять минут. Пятнадцать. Ничего.

Он уже собирался уйти, когда заметил странную деталь. Один из прохожих. Мужчина в сером пальто. Илья не сразу понял, что именно не так. Просто взгляд зацепился. Он сосредоточился. Мужчина шёл в потоке, но казался чуть «вне» него. Люди обходили его, не глядя, как если бы инстинктивно избегали. Илья сделал шаг в его сторону.

Мужчина замедлился. Они встретились глазами. И в этот момент Илья понял. Пустота. Не в лице. В восприятии. Он

смотрел на человека и не мог запомнить его черты. Прямо сейчас.

— Подождите, — сказал Илья.

Мужчина остановился.

— Вы меня слышите? — спросил Илья.

Тот кивнул.

— Да.

Голос был обычный. Слишком обычный.

— Как вас зовут?

Мужчина нахмурился.

— Я... — он замолчал. — Я не...

Он поднял руку к виску, как будто пытался удержать мысль.

— Я не помню.

Илья почувствовал, как внутри всё сжалось.

— Когда это началось?

— Я не знаю.

— У вас есть документы?

Мужчина автоматически полез в карман, достал бумажник. Илья взял его. Открыл. Пусто. Ни карты. Ни удостоверения. Только пустые отделения.

— Это не моё, — тихо сказал мужчина.

— Тогда где ваше?

Он не ответил. Кожа бумажника блестела на сгибах. С одной стороны шов был грубо восстановлен синей ниткой — неумело, но крепко. Мужчина следил за руками Ильи с та-

ким напряжением, будто от того, как тот держит вещь, зависело нечто важное.

— Вы сами зашивали? — спросил Илья.

Мужчина опустил глаза. Его большой палец дёрнулся: привычное движение человека, который ищет знакомое место на кармане.

— Она сказала, что новый покупать глупо.

— Кто сказал?

Он не ответил. Перевёл взгляд на противоположную сторону улицы, где женщина застёгивала ребёнку капюшон. Лицо его на мгновение стало яснее — или Илье захотелось это увидеть.

— Давайте сядем, — предложил Илья. — Тут рядом остановка. Я вам воды куплю.

— Я опаздываю.

— Куда?

— Домой.

Мужчина произнёс это с уверенностью, которой не было ни в одном предыдущем ответе. Потом уверенность ушла. Он огляделся, медленно повернулся вокруг себя. За его плечом прохожий сделал лишний шаг в сторону, чтобы обойти пустое, по его представлению, место.

— Там свет должен гореть, — сказал мужчина. — На кухне. Когда поздно, она оставляет...

Он поднял руку, показывая высоту окна, и остановился на середине жеста. Илья перестал спрашивать о документах.

Он назвал себя, редакцию, улицу, на которой они стояли. Говорил спокойно, как говорил когда-то с растерявшейся после пожара женщиной, и одновременно отчаянно пытался запомнить хоть что-нибудь: тонкую царапину на подбородке, покрасневший край уха, серую пуговицу.

Через несколько секунд он уже не мог сказать, была ли пуговица серой. Илья поднял взгляд. Контур лица уже был менее чётким. Это происходило быстрее, чем вчера.

— Слушайте меня, — сказал Илья. — Вы исчезаете.

Мужчина посмотрел на него. И впервые в его взгляде появилось что-то похожее на страх.

— Я знаю, — прошептал он.

— Кто это делает?

— Я не... — он замолчал. — Я пытался... кому-то сказать...

— Кому?

— Вам.

Илья замер.

— Когда?

— Раньше.

Илья вспомнил голос в телефоне.

— Это вы звонили?

Мужчина кивнул. Очень медленно.

— Я... кажется...

Его голос стал тише. Не по громкости. По присутствию. Илья сделал шаг вперёд.

— Подождите. Мы можем это остановить.

Мужчина посмотрел на него. И улыбнулся. Слабо.

— Если бы могли... вы бы уже...

Он не договорил. Илья моргнул. И в следующую секунду перед ним никого не было. Просто улица. Поток людей. Как будто ничего не произошло. Илья стоял, не двигаясь. Руки сжаты. Сердце билось слишком быстро. Он посмотрел на бумажник. Тот всё ещё был у него. Он открыл его снова. Пусто. Но теперь это было уже не странно. Это было подтверждение.

Илья медленно выдохнул.

— Значит, это реально, — сказал он.

И в этот момент он понял ещё одну вещь. Это не случайность. Это система. И он уже внутри неё. Он всё-таки дошёл до остановки. Купил воду, которую собирался купить незнакомцу, и долго не мог отвинтить крышку: пальцы скользили, а он продолжал сжимать в другой руке бумажник. На скамейке сидел подросток с наушниками. Подросток подвинулся, освобождая место, и этот простой жест едва не заставил Илью расплакаться. Несколько минут назад рядом стоял человек, которому нужно было только место, вода и кто-нибудь, кто не отойдёт. Теперь для него даже этого сделать было нельзя.

Илья набрал Марту.

— Ты нашёл её?

— Нет. Другого. Кажется, того, который звонил.

— Где он?

Илья посмотрел на пустое место справа от себя.

— Не знаю.

Марта не задала следующий вопрос сразу. Дала ему рассказать. Он начал с пальто, потом сбился, вернулся к голосу и к тому, как мужчина сказал «домой». Когда закончил, она попросила описать бумажник.

— Зачем?

— Потому что он у тебя в руках. Начнём с того, что можно потрогать.

Илья перечислял швы, отделения, стёртый край застёжки. На дне одного кармана нашёл крошку засохшего листа. Ничего, что помогло бы установить имя.

— Не выбрасывай, — сказала Марта.

— Я не собирался.

— И не решай сейчас, что мог его спасти. Мы не знаем как.

— Он уже просил о помощи.

— Да.

Она не стала облегчать это «да» никакими словами. Илья вдруг понял, что благодарен ей именно за это. В редакции Марта вырезала из плотной бумаги прямоугольник, подписала время, добавила «Имя пока не установлено. Не выбрасывать» и вложила в пустое отделение. Получилась этикетка для вещи, но Илья почувствовал в этом и другое: хотя бы одно событие теперь не заканчивалось просто отсутствием.

— Если и это исчезнет? — спросил он.

— Тогда заметим, что исчезло.

Она попросила его держать бумажник при себе. Он положил его во внутренний карман пальто. Ему казалось важным, чтобы вещь оставалась ближе к телу. Вечером он снова вернулся. На этот раз — с планом. Он принёс блокнот, камеру, диктофон. И главное — Марта была рядом.

— Ты уверен? — спросила она.

— Нет, — честно ответил Илья. — Но один я уже проверил.

Марта кивнула.

— Тогда давай проверим вместе.

Они заняли позицию у фонаря. И стали ждать. Минуты тянулись медленно. Город жил своей жизнью. Но теперь Илья видел больше. Замечал детали, которые раньше пропускал. Людей, на которых никто не смотрел. Пустоты, которые раньше казались нормальными. И затем — она появилась. Как и вчера. Там же. Илья почувствовал, как внутри что-то резко сдвинулось.

— Ты пришла, — сказал он.

Она посмотрела на него. Потом — на Марту. И на секунду в её глазах мелькнуло удивление.

— Ты привёл её, — сказала она.

— Мне нужен свидетель, — ответил Илья.

Она покачала головой.

— Это не поможет.

— Уже помогло, — сказал он. — Теперь я знаю, что это не только в моей голове.

Илья повернулся к Марте.

— Ты её видишь?

Марта кивнула.

— Да.

Женщина закрыла глаза.

— Значит, ещё есть шанс.

Илья сделал шаг ближе.

— Скажи своё имя.

Она открыла глаза. Посмотрела прямо на него. И на этот раз не отступила.

— Лея.

Слово прозвучало тихо. Но чётко. Илья почувствовал, как это имя фиксируется. Как якорь.

— Лея, — повторил он.

Марта быстро записала это в свой блокнот. Лея посмотрела на неё.

— Записывай всё, — сказала она. — Пока это возможно.

Илья сжал блокнот в руках.

— Теперь ты не исчезнешь так просто, — сказал он.

Лея не улыбнулась.

— Ты так думаешь.

Илья встретился с ней взглядом.

— Я проверю.

И впервые за всё время в его голосе появилась уверен-

НОСТЬ.

Глава 4

То, что нельзя забыть

Имя закрепилось. Илья почувствовал это почти физически — как будто слово «Лея» оставило след не только в памяти, но и в теле. Оно не расплывалось, не терялось, не ускользало, как всё остальное, связанное с ней. Это было новым. И это означало, что они нашли точку опоры. Они стояли под фонарём втроём, и впервые за всё время происходящее выглядело не как случайность, а как ситуация, в которой можно действовать.

— Сколько у нас времени? — спросил Илья.

Лея перевела взгляд с него на Марту, затем снова на него.

— Меньше, чем ты думаешь.

— Конкретнее.

Она на секунду задумалась, словно пыталась оценить то, что невозможно измерить.

— Это не фиксированное время. Это зависит от того, насколько ты вовлечён.

— Во что?

— В меня.

Илья не отвёл взгляда.

— Тогда я уже вовлечён.

Лея чуть заметно вздохнула.

— Я знаю.

Марта тихо листала блокнот, записывая каждое слово.

— Когда это началось? — спросила она.

Лея ответила не сразу.

— Для тебя или для меня?

— Для тебя.

— Я не помню точной даты, — сказала Лея. — Сначала это было незаметно. Мелочи. Люди забывали разговоры. Потом — встречи. Потом — меня.

— Кто именно? — спросил Илья.

— Все. Ты тоже забывал, но потом снова замечал меня.

Илья нахмурился.

— Почему?

Она посмотрела на него долго, внимательно.

— Потому что ты уже пытался меня удержать.

Слова прозвучали спокойно, но в них было больше, чем в любом объяснении.

— Когда? — спросил он.

— Раньше.

— Я не помню.

— Я тоже не всё помню, — сказала Лея. — Но я помню, что ты был единственным, кто заметил.

Илья почувствовал, как внутри поднимается странное ощущение — не доверие и не сомнение, а что-то между. Как если бы он стоял на границе воспоминания, которое ещё не вернулось, но уже существовало.

— Значит, это повторяется, — сказал он.

— Да.

— И каждый раз хуже?

Лея кивнула.

— Быстрее.

Марта подняла взгляд от блокнота.

— Тогда нам нужно понять, что ускоряет процесс.

Лея на секунду закрыла глаза.

— Внимание.

— Что? — не понял Илья.

— Чем больше людей обращают внимание, тем быстрее я исчезаю.

— Тогда почему ты пришла к нам? — спросила Марта.

Лея посмотрела на неё.

— Потому что без этого я исчезну окончательно. А так у меня есть шанс.

Илья сделал шаг ближе.

— Мы можем его увеличить.

Она чуть улыбнулась.

— Ты уже пытаешься.

— Я не просто пытаюсь, — сказал он. — Я не позволю этому закончиться так.

Лея смотрела на него несколько секунд, и в её взгляде появилось что-то новое. Не страх. Не отчаяние. Тепло. Очень слабое, почти незаметное — но настоящее.

— Тогда тебе придётся запомнить больше, чем имя, — сказала она.

— Я запомню всё.

— Это невозможно.

— Тогда столько, сколько нужно.

Марта тихо закрыла блокнот.

— Нам нужно сменить место, — сказала она. — Здесь слишком открыто.

Илья кивнул.

— Пойдём.

Он посмотрел на Лею.

— Ты с нами?

Она замешкалась.

— Это риск.

— Всё — риск, — ответил он.

Лея на секунду посмотрела вокруг, как будто проверяя, не наблюдает ли кто-то. Затем кивнула.

— Хорошо.

Они шли быстро, не разговаривая. Илья выбрал старое кафе в нескольких кварталах — место, куда редко заходили, особенно в будние вечера. Там было тихо, и главное — мало людей. Когда они вошли, внутри почти никого не было. Илья выбрал стол у стены. Лея села напротив него. Марта — сбоку, так, чтобы видеть обоих.

Кафе называлось «Медь». На вывеске буква «д» давно не горела, и вечерами получалось короткое, незавершённое слово. Внутри пахло нагретым деревом, кофейной гущей и мокрыми шарфами. По стене тянулась трещина, которую несколько раз закрашивали, но она всякий раз возвраща-

лась, чуть темнее прежнего. Официант принёс два меню. Илья посмотрел на них, затем на Лею. Она сидела неподвижно, положив ладони на колени.

— Ещё одно, пожалуйста.

Молодой человек перевёл взгляд с Ильи на Марту.

— Кто-то подойдёт?

— Нас трое.

Официант посмотрел на стул напротив. На мгновение его лицо стало растерянным, потом он улыбнулся с той особой вежливостью, которой обслуживают неприятные недоразумения.

— Конечно.

Он положил третье меню на край стола, рядом с Ильёй. Лея сама взяла его. Официант проследил за движением бумаги и поспешно отвёл взгляд. Когда он ушёл, Марта медленно закрыла своё меню.

— Он тебя не увидел.

— Иногда видят, — сказала Лея. — Потом забывают, к какому столику подходили.

— Что будешь? — спросил Илья.

Лея посмотрела на него с удивлением.

— Что?

— Пить. Чай, кофе?

Она провела пальцем по названиям. Илья подумал, что ей трудно прочитать их, но она просто слишком долго не выбирала что-нибудь столь незначительное.

— Чёрный чай. Без сахара. И... можно что-нибудь тёплое?

Марта нашла в меню пирог. Заказала три порции, произнесла число отчётливо. Когда принесли тарелки, она сама поставила одну перед Леей. Первые несколько минут они ели. Разговор о том, сколько человеку осталось существовать, пришлось отложить, потому что Лея обожглась начинкой. Она зажала губы, раздражённо махнула рукой на вопрос Ильи и запила чаем. Это было настолько обыденно, что он вдруг смог рассмотреть её лицо без прежнего напряжения.

Лея заметила его взгляд.

— Что?

— Ничего.

— Ты так смотришь, будто я совершила что-нибудь важное.

— Ты попросила пирог.

Она посмотрела на тарелку, потом снова на него.

— Мне хотелось есть ещё до того, как вы решили меня спасти.

Марта коротко рассмеялась. Илья опустил глаза; через секунду улыбнулся и он. Несколько секунд никто не говорил. Илья смотрел на Лею. Теперь, при свете лампы, он мог разглядеть её лучше. Черты лица были чёткими, но странным образом не фиксировались в памяти полностью. Как будто мозг отказывался удерживать их в стабильной форме.

— Ты чувствуешь это? — спросила она тихо.

— Что именно?

— Что я «размываюсь».

Илья кивнул.

— Да.

— Это начнёт усиливаться.

— Мы что-нибудь придумаем.

Она чуть улыбнулась.

— Ты уже говорил это.

— И скажу ещё раз.

Марта наблюдала за ними, не вмешиваясь.

— Расскажи о себе, — сказал Илья.

Лея отвела взгляд.

— Это сложно.

— Попробуй.

Она провела пальцами по краю стола.

— Я работала... — она замолчала. — Нет. Уже не помню

где.

— Семья?

— Была.

— И?

Она покачала головой.

— Они перестали меня узнавать.

Илья сжал руки.

— Это началось постепенно?

— Да. Сначала они забывали мелочи. Потом — разгово-

ры. Потом — меня.

— И никто не заметил?

— Нет, — сказала она тихо. — Потому что для них это было естественно. Как будто я просто... перестала существовать.

Лея провела ложкой по блюдцу. Керамика тихо скрипнула.

— Мама всегда пересчитывала чашки, — сказала она. — Перед тем как мы сели. Не потому, что нас было много. Просто привычка. Проведёт глазами по столу, дотронется до ручек и только потом ставит чайник.

Илья уже потянулся к ручке, но остановился. Марта писала; ему можно было просто слушать.

— В первый раз она спросила, буду ли я чай, и через минуту поставила две чашки вместо трёх. Я сказала: «А мне?» Она извинилась. Мы даже посмеялись. Во второй раз я сама достала чашку. В третий...

Лея подняла голову. По её лицу не было понятно, вспоминает она или пытается удержать то, что уже почти ушло.

— В третий она спросила, как я попала в квартиру.

Шум кофемашины на другом конце зала оборвал фразу. Лея переждала его, глядя на собственные пальцы.

— Сначала я решила, что она больна. Уговаривала пойти к врачу. Потом она попросила меня не беспокоить её. Очень вежливо. Я стучала в дверь, а она говорила через дверь так, как разговаривают с незнакомым человеком, которому всё-

таким жалко не помочь.

— Ты пробовала показать фотографии? — спросила Марта.

— Пробовала.

Она не стала объяснять дальше. Марта кивнула и оставила вопрос.

— А потом? — тихо спросил Илья.

— Потом я стояла на лестнице и думала, что надо зайти в булочную. Купить ей хлеб, который она любит. Я почему-то была уверена, что если принесу правильный хлеб, она...

Лея потёрла переносицу. Илья не стал договаривать за неё.

— Я не помню, какой, — сказала она. — Вот что хуже всего. Я помню, что он был важен. А какой именно — нет.

Официант подошёл убрать пустую чашку Марты и потянулся за чашкой Леи, в которой ещё оставался чай. Лея придерживала блюдце. Он отдернул руку, посмотрел на неё — прямо на неё — и извинился. Они втроём проводили его взглядом.

— Он увидел? — спросил Илья.

— На секунду, — сказала Лея.

Она отпустила блюдце только после того, как шаги официанта стихли. Илья наклонился вперёд.

— Но ты существуешь.

Лея посмотрела на него.

— Пока ты так думаешь.

Он не отвёл взгляда.

— Я не «думаю». Я знаю.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. И в этом взгляде было больше, чем слова могли передать. Марта тихо отвела взгляд, давая им пространство.

— Почему ты не ушла? — спросил Илья.

— Куда?

— Из города.

Лея чуть усмехнулась.

— Ты правда думаешь, что это ограничено городом?

Илья замолчал.

— Это не место, — сказала она. — Это... процесс.

— Тогда от чего он зависит?

— От людей.

— В каком смысле?

Она посмотрела на него.

— От того, помнят ли тебя.

Илья медленно кивнул.

— Значит, если тебя помнить — ты остаёшься.

— Ненадолго, — сказала Лея. — Но да.

— Тогда мы будем помнить.

Она покачала головой.

— Ты не понимаешь. Это не просто «помнить». Это... удерживать.

— В чём разница?

Лея на секунду задумалась.

— Память — это факт. Удержание — это усилие.

Илья сжал пальцы.

— Тогда я буду удерживать.

Она посмотрела на него. Долго.

— Это больно.

— Мне всё равно.

— Нет, — тихо сказала она. — Не всё равно. Просто ты ещё не знаешь, насколько.

Илья хотел сказать что-нибудь, что окончательно закроет вопрос. У него было несколько подходящих фраз, достаточно сильных и достаточно коротких. Он даже услышал, как одна из них прозвучит. Потом заметил, что Лея ждёт именно этой фразы — и заранее устала от неё.

— А чего хочешь ты? — спросил он вместо этого.

Она нахмурилась.

— В каком смысле?

— Мы всё время говорим, что будем делать. Записывать, проверять, держать. А ты?

Лея посмотрела на окно. По стеклу шёл тонкий ручеёк, разделялся у царапины и снова сходилась ниже.

— Проснуться и не проверять, есть ли у меня руки, — сказала она. — Купить что-нибудь и дожидаться сдачи. Поссориться с человеком, который завтра будет помнить, из-за чего мы поссорились.

Марта положила ручку на блокнот. Лея заметила это и слегка пожала плечами.

— Ты спросил.

— Я и хотел услышать.

— Тогда запомни ещё кое-что. Если я прошу остановить-
ся, это не приглашение говорить, какой ты смелый. Иногда
я действительно знаю, что дальше будет хуже.

Илья кивнул не сразу. Обещать спасти незнакомого чело-
века оказалось легче, чем согласиться, что этот человек мо-
жет иметь право помешать спасению.

— Хорошо.

— Скажи нормально.

— Если ты попросишь остановиться, я остановлюсь и вы-
слушаю.

Лея посмотрела ему в глаза, словно проверяла точность
формулировки. Потом кивнула. Марта перевернула страни-
цу. На новой записала только одно предложение, и Илья не
стал заглядывать, какое именно. Он протянул руку через
стол. Замер на секунду. Затем коснулся её пальцев. Кожа бы-
ла холодной. Но реальной. Лея вздрогнула.

Не от холода. От самого факта прикосновения.

— Ты чувствуешь? — спросил он.

Она кивнула.

— Да.

— Значит, ты здесь.

Лея смотрела на их руки.

— Пока да.

Илья сжал её пальцы чуть сильнее.

— Тогда мы это зафиксируем.

Марта подняла взгляд.

— Я записываю.

— Нет, — сказал Илья. — Не только это.

Он посмотрел на Лею.

— Расскажи мне что-нибудь, что нельзя стереть.

Она чуть нахмурилась.

— Например?

— Что-то личное.

Лея долго молчала. Затем тихо сказала:

— Я боюсь тишины.

Илья не ожидал.

— Почему?

— Потому что в тишине я исчезаю быстрее.

Он кивнул.

— Тогда мы не будем молчать.

Она чуть улыбнулась.

— Это не так просто.

— Мы попробуем.

Илья не отпускал её руку. И в этот момент он понял, что дело уже не только в расследовании. Что-то изменилось. Глубже. Опаснее. И гораздо важнее.

Глава 5

Правила удержания

Они остались в кафе дольше, чем планировали. Время там текло иначе — медленнее, вязко, как если бы стены удерживали не только звук, но и саму реальность внутри. За окнами снова начинал моросить дождь, и свет фонарей размазывался по стеклу, превращая улицу в расплывчатое пятно.

Илья не отпускал её руку. Сначала это было осознаным действием — проверкой, фиксацией, попыткой «удержать». Но со временем стало чем-то другим. Естественным. Необходимым. Лея сначала напрягалась при каждом касании, словно её тело не доверяло самому факту прикосновения. Но постепенно это напряжение уходило. Пальцы перестали быть холодными, хотя тепло оставалось странным — не физическим, а скорее ощущением присутствия.

— Сколько ты можешь так держаться? — спросил Илья.

Лея посмотрела на их руки.

— Не знаю.

— Но это помогает?

Она кивнула.

— Да.

— Тогда мы можем превратить это в систему.

Марта тихо усмехнулась.

— Ты серьёзно сейчас пытаешься превратить человека в эксперимент?

Илья не отвёл взгляда от Леи.

— Я пытаюсь её не потерять.

Марта ничего не ответила. Лея чуть сжала его пальцы.

— Она права, — сказала она тихо. — Это похоже на эксперимент.

— Тогда давай сделаем его правильно, — ответил Илья.
— Без догадок.

Марта открыла блокнот на чистом развороте и провела посередине вертикальную черту.

— Слева пишу, что происходит. Справа — как мы это объясняем. Если объяснение меняется, левую половину не трогаем.

— Мы не в лаборатории, — сказала Лея.

— Именно. Поэтому особенно легко обмануться.

Она повернула блокнот так, чтобы Илья и Лея могли прочитать записи. Лея некоторое время рассматривала две пустые колонки.

— А где будет то, что чувствую я?

Марта задумалась, затем отступила ниже и написала её имя отдельной строкой.

— Здесь. Дословно.

— Тогда начнём с того, что у меня болит голова.

Илья тут же ослабил пальцы. Лея посмотрела на него и покачала головой.

— Не от руки. От вопросов.

Они дали ей допить чай. Илья сидел, глядя на костяшки

её пальцев, и изо всех сил не задавал новых вопросов. Это оказалось едва ли не труднее всего, что он сделал за последние три дня. Он привык, что любая минута молчания в интервью — потерянная возможность. Теперь впервые нужно было учитывать, что собеседник расходует на ответ больше, чем время.

Марта встала, сходилa к стойке и вернулась со стаканом воды. Поставила перед Леей.

— Если захочешь прекратить — скажи «хватит». Мы не будем уточнять, уверена ли ты.

Лея кивнула и сделала несколько глотков. За соседним столиком пожилой мужчина складывал газету. Он аккуратно совмещал края, проводил пальцем по сгибу, снова разворачивал лист. Илья смотрел на это движение и думал о том, что у человеческого присутствия есть множество незаметных подтверждений: рукав оставляет складку, стул поскрипывает, стакан запотеваeт под пальцами. Ни одно из них не кажется чудом, пока не начинает исчезать.

— Можно, — сказала Лея.

Только после этого он продолжил. Он отпустил её руку. И сразу заметил разницу. Лея чуть откинулась назад, как будто между ними появилась дистанция, которой не было раньше. Илья нахмурился.

— Ты это почувствовала?

— Да.

— Насколько сильно?

Она задумалась.

— Как будто... меня стало меньше.

Илья снова взял её за руку. И почти сразу это ощущение исчезло. Он выдохнул.

— Значит, контакт работает.

— В этот раз, — поправила Марта.

Она попросила повторить, но Лея предложила другое: пусть теперь руку возьмёт Марта. Илья почувствовал нелепый укол ревности, тут же устыдился его и отодвинулся. Лея вложила пальцы в ладонь Марты. Первые секунды ничего не происходило. Затем исчезла резкая грань между её запястьем и светом настольной лампы. Илья наклонился вперёд.

— Хуже?

— Иначе, — ответила Лея. — Словно держат за край одежды. Не больно. Просто я дальше.

Марта медленно повернула её руку ладонью вверх. На безымянном пальце виднелся небольшой шрам. Она не стала спрашивать, откуда он. Просто сказала:

— Ты сегодня сказала, что хочешь поссориться так, чтобы тебя завтра помнили. Я запомнила.

Лея подняла глаза. Слабое размытие у запястья уменьшилось.

— А сейчас?

— Лучше.

Илья посмотрел в блокнот. Ему хотелось провести жир-

ную линию под собственным именем: почему-то с ним связь была сильнее. Вместо этого он записал, что Марта тоже может помогать, и подчеркнул именно это.

— Значит, дело не только в прикосновении, — сказала Марта. — Я могу держать тебя за руку и думать о том, правильно ли пишу. А могу действительно слушать.

— Пока это только объяснение, — напомнил Илья.

— Поэтому записывай справа.

Они улыбнулись, и Лея посмотрела с одного на другую с выражением, которое Илья не сразу узнал. Потом понял: ей нравилось, что спор не касается права на её существование. Можно было просто сидеть между двумя упрямыми людьми, которые никак не решат, в какой колонке писать предложение. Когда они поменялись обратно, Илья не стал сильнее сжимать её пальцы. Теперь он лучше понимал разницу между усилием и хваткой. Марта уже писала.

— Физический контакт — фактор стабилизации, — пробормотала она. — Проверить длительность, интенсивность, зависимость от количества людей.

Илья посмотрел на неё.

— Проверим.

Он перевёл взгляд на Лею.

— Теперь второй вариант.

— Какой?

— Память.

Он достал блокнот.

— Расскажи что-нибудь. Любую деталь о себе.

Лея медленно кивнула.

— Я люблю запах дождя.

Марта записала. Илья повторил вслух:

— Ты любишь запах дождя.

Лея посмотрела на него.

— Да.

— И?

Илья внимательно наблюдал. Ничего не изменилось.

— Ещё, — сказал он.

Лея задумалась.

— У меня была собака.

— Какая?

— Чёрная. Большая.

— Имя?

Она замолчала. Илья увидел, как в её взгляде появилось напряжение.

— Я... не помню.

Он сжал зубы.

— Это исчезает первым.

Лея кивнула.

— Личные детали — самые нестабильные.

Марта подняла голову.

— Тогда нам нужно закреплять их сразу.

— Как? — спросил Илья.

Она показала на блокнот.

— Повторение. Запись. Свидетели.

Илья кивнул.

— Хорошо.

Он посмотрел на Лею.

— Скажи ещё что-нибудь.

— Я боюсь тишины.

Илья сразу повторил:

— Ты боишься тишины.

Марта записала. Лея закрыла глаза.

— Это держится, — сказала она тихо.

Илья почувствовал, как внутри появляется что-то похожее на надежду.

— Значит, мы можем закреплять тебя через слова.

— Ненадолго, — ответила она.

— Этого достаточно, чтобы двигаться дальше.

Он сделал паузу.

— Теперь третий вариант.

— Какой? — спросила Марта.

Илья посмотрел на Лею.

— Эмоции.

Она нахмурилась.

— Что ты имеешь в виду?

— Если память — это факт, а удержание — усилие, — сказал он, — то эмоции — это якорь.

Лея молчала.

— Когда ты чувствуешь что-то сильное, — продолжил

Илья, — это сложнее стереть.

— Ты уверен? — спросила Марта.

— Нет, — честно ответил он. — Но это логично.

Лея смотрела на него.

— Тогда попробуй.

Илья на секунду замолчал. Он не был уверен, что именно собирается сделать. Но понимал одно: обычных слов уже недостаточно. Он наклонился чуть ближе.

— Ты боишься исчезнуть? — спросил он тихо.

Лея не отвела взгляда.

— Да.

— А если я скажу, что не позволю этому случиться?

— Ты не можешь этого обещать.

— Могу.

— Это ложь.

— Тогда пусть это будет самая упрямая ложь, — сказал он. — Которая станет правдой.

Лея смотрела на него. Долго. И в этот момент что-то изменилось. Её взгляд стал глубже. Чётче. Как будто на секунду она стала полностью реальной. Марта перестала писать.

— Это сработало, — тихо сказала она.

Илья не отвёл взгляда.

— Ещё, — сказал он.

Лея чуть улыбнулась.

— Ты странный.

— Возможно.

— Но ты единственный, кто меня не отпускает.

Илья почувствовал, как внутри что-то сжалось.

— И не отпускаю.

Он чуть сжал её пальцы. Теперь уже без эксперимента. Просто так.

— Значит, у нас есть три правила, — сказал он. — Контакт. Память. Эмоции.

Лея наклонила голову.

— И все три могут сделать хуже.

Марта быстро поставила вопросительный знак напротив последней записи.

— Нам придётся разобраться с этим. Ты говорила, что внимание ускоряет исчезновение. Но сейчас тебе лучше.

Лея долго смотрела на свою руку.

— Когда ты смотришь на меня, я могу остаться, — сказала она наконец. — А потом начинается давление. Не всегда сразу. Иногда кажется, что всё закончилось, и только потом...

Она замолчала, прислушиваясь к чему-то внутри. Илья не торопил.

— Представьте закрывающуюся дверь, — продолжила Лея. — Вы её придерживаете. Мне легче пройти. Но механизм давит сильнее. Я не знаю, действительно ли это дверь и механизм. Только похоже по ощущению.

— А камера? — спросила Марта.

— После камеры обычно хуже. Особенно когда пытаются

заставить меня получиться на снимке. Человек уже смотрит на экран, а не на меня.

Марта медленно кивнула. Илья вспомнил, как держал телефон перед лицом Леи, требуя доказательств. Она попросила опустить, а он не послушал сразу. Теперь этот маленький жест выглядел совсем иначе.

— Вчера я сделал тебе больно? — спросил он.

— Ты испугал меня.

— Прости.

Лея помолчала.

— В следующий раз опусти быстрее.

— Не буду поднимать без спроса.

Марта зачеркнула слово «правила» и написала над ним «то, что пока помогает». Илья увидел исправление, но спорить не стал. Они попробовали ещё одну вещь. Лея рассказала, как однажды испекла пирог и вместо сахара взяла соль. Илья предположил, что это невозможно не заметить, а Марта подробно объяснила, почему человек может не заметить что угодно, если одновременно красит окно и разговаривает по телефону. На слове «окно» Лея вдруг рассмеялась: именно окно она тогда и красила, но не помнила этого до замечания Марты.

Смех получился неровным, с неожиданным всхлипом. Лея прикрыла рот свободной рукой.

— Только не говорите, что это сработало, — попросила она.

И они не сказали.

— Нужно ещё проверить время, — напомнила Марта.

— Время?

— Мы не знаем, как быстро наступает эффект и сколько он держится.

Илья посмотрел на Лею.

— Проверим.

Они вышли из кафе, когда дождь окончательно скрыл дальний конец улицы. Город снова стал размытым, как будто пытался скрыть то, что происходило внутри него. Илья шёл рядом с Леей. Марта — чуть позади.

— Куда теперь? — спросила она.

Илья задумался.

— Нам нужно место, где мы сможем продолжить.

— Редакция не подойдёт, — сказала Марта. — Слишком много людей.

— Тогда у меня, — ответил он.

Лея остановилась.

— Это плохая идея.

— Почему?

— Потому что чем ближе я к тебе, тем быстрее это идёт.

Илья замер.

— Ты уверена?

Она кивнула.

— Да.

Он посмотрел на неё.

— Тогда тем более.

— Это риск.

— Всё — риск, — повторил он.

Лея некоторое время молчала. Затем тихо сказала:

— Ты не понимаешь.

— Тогда объясни.

Она посмотрела ему в глаза.

— Если это ускорится слишком сильно... ты забудешь меня раньше, чем успеешь остановить.

Илья не отвёл взгляда.

— Тогда я не буду забывать.

Лея чуть покачала головой.

— Это не так работает.

— Тогда мы сделаем так, чтобы работало.

Марта наблюдала за ними.

— Мы теряем время, — сказала она. — Решайте.

Илья протянул руку.

— Пойдём.

Лея смотрела на него. Затем медленно вложила свою руку в его.

— Хорошо.

И в этот момент Илья понял, что теперь это уже не просто расследование. Это выбор. И он его сделал.

То, что против

Дорога до квартиры заняла меньше времени, чем ожидал Илья, но казалась длиннее. Город снова изменился — не внешне, а в ощущении. Как будто пространство стало плотнее, а расстояния — короче. Они шли быстро, почти не разговаривая. Илья чувствовал руку Леи в своей — и время от времени ловил себя на том, что проверяет: она всё ещё здесь.

Она шла рядом, не отставая, но её присутствие было нестабильным. Иногда — отчётливым, почти осязаемым. Иногда — словно она отступала на шаг назад, оставаясь рядом физически, но теряя чёткость. Марта шла позади, наблюдая. Она почти не вмешивалась, но Илья знал: она фиксирует всё. Когда они поднялись в квартиру, Илья сразу включил свет.

Обычное пространство. Стены, стол, книги, разбросанные бумаги. Всё на своих местах. Это должно было успокаивать. Квартира была небольшой. У входа стояла обувница с погнутой дверцей, на холодильнике держалась магнитом квитанция, а между книгами на полке лежал свёрнутый удлинитель. Илья вдруг увидел всё это глазами гостей и с досадой подвинул ногой старую газету под тумбу.

— Я мог бы предупредить, что здесь беспорядок.

— Мы заметили бы, — сказала Марта.

Лея осталась в пальто. На полу под её подошмой собиралась

вода, и она смотрела на маленькую лужу почти виновато.

— Снимай, — сказал Илья. — Пол переживёт.

Он нашёл сухое полотенце, принёс запасные носки. Сначала протянул их обеим, потом понял, что у Марты ботинки не промокли. Она взяла полотенце и повесила на батарею. Лея долго развязывала мокрый шнурок. На одной петле затянулся узел, и Илья присел помочь, но она быстро отодвинула ногу.

— Я сама.

— Хорошо.

Через минуту ей удалось. Она поставила ботинки рядом, носками к двери, будто собиралась очень скоро уйти. На кухне Илья поставил чайник на плиту, достал хлеб, сыр и нож. Знакомые движения напомнили ему утро накануне: память услужливо показала банку кофе, лист под сахарницей, зелёную эмаль. Он проверил лист украдкой. Все три записи были на месте.

— Куда складывать? — спросила Марта.

Она держала стопку бумаг с освободившегося стула. Илья указал на подоконник. Сверху лежал черновик статьи, где пропавшие всё ещё существовали только в виде чисел. Лея провела пальцем по спинке стула. Потом села так осторожно, словно не была уверена, что мебель согласится выдержать её вес. Илья убрал черновик под остальные бумаги.

Но знакомая обстановка не успокаивала. Лея обернулась к двери.

— Здесь... иначе, — сказала она тихо.

— В каком смысле? — спросил Илья.

Она огляделась.

— Тише.

Марта сняла куртку и повесила её на спинку стула.

— Это нормально. Здесь нет улицы.

— Нет, — покачала головой Лея. — Не так.

Илья почувствовал, как внутри поднимается напряжение.

— Что ты чувствуешь?

Она наклонилась вперёд.

— Как будто... меня здесь легче стереть.

Илья взял её за руку.

— Тогда мы не будем давать этому случиться.

Лея посмотрела на него.

— Ты не понимаешь. Это не зависит только от тебя.

— Тогда от чего?

Она не ответила. И это молчание было хуже любого ответа. Илья и Марта устроились за столом. Илья сразу достал блокнот, ручку, телефон. Всё — перед собой. Чётко. Контролируемо.

— Продолжаем, — сказал он. — Нам нужно понять, что именно происходит.

Марта уже открыла ноутбук.

— Я записываю.

Лея сидела напротив. Её взгляд был сосредоточенным, но в нём появилась усталость.

— Это не просто исчезновение, — сказал Илья. — Это процесс удаления.

— Да, — тихо ответила она.

— Тогда должен быть источник.

Лея медленно покачала головой.

— Это не «кто-то».

— Тогда что?

Она посмотрела на него.

— Это система.

Илья нахмурился.

— Какая система?

— Я не знаю, — сказала она. — Но я чувствую её.

— Где?

— Везде.

Марта подняла взгляд.

— Это не ответ.

— Это единственный, который у меня есть, — тихо сказала Лея.

Марта повернула ноутбук экраном к стене.

— Тогда сначала то, что ты видела сама. Не объяснение.

Лея смотрела на чашку. Её обе руки лежали вокруг неё, но пальцы почти не соприкасались с керамикой.

— Я помню лестницу, — сказала она. — Длинную. С площадкой и окном. На окне было закрашено нижнее стекло. Ещё папки. Люди говорили тихо, потому что там нельзя шуметь.

— Библиотека? — спросил Илья.

— Не подсказывай, — остановила Марта.

Лея подняла глаза и неожиданно благодарно посмотрела на неё.

— Если ты скажешь, что это библиотека, я могу начать помнить библиотеку. А я не уверена.

Она осторожно передвинула чашку. Под ней осталось тёмное влажное кольцо.

— Там нужно было что-то сравнивать. Два листа. Я помню, что была уверена: перепутали порядок. Я попросила другой экземпляр. Мне сказали, что другого нет. Но я же держала его накануне.

Илья хотел спросить, где она работала. В кафе она уже пыталась ответить. Он прикусил губу и промолчал.

— На одном листе было больше строк? — спросила Марта.

Лея отстранилась, будто вопрос попал в больное место.

— Я не знаю. Я помню промежуток. Между строками. Там должно было быть что-то ещё. Я сказала об этом вслух.

На кухне перестал гудеть холодильник. Это был обычный щелчок реле, но Лея сразу замолчала. Илья посмотрел на окно, на дверь, на лампу над столом. Тишина вдруг собралась вокруг них, хотя за стеклом ещё проезжали машины.

— Не надо дальше, если трудно, — сказала Марта.

Лея некоторое время не двигалась. Потом закрыла лицо ладонями.

— Я не знаю, что я сделала, — произнесла она. — Я даже не знаю, почему это стоило всего остального.

Илья почувствовал знакомое профессиональное желание облечь случившееся в понятную последовательность: увидела, сообщила, стала помехой. Но между этими словами пока не было ничего, кроме чужого страха. Он написал в блокноте: «Лестница. Закрашенное стекло. Два листа». Подчеркнул, что это обрывки воспоминания, и закрыл страницу, чтобы не заставлять Лею смотреть на неё. Илья сжал ручку.

— Хорошо. Тогда другой вопрос. Почему именно ты?

Лея опустила взгляд.

— Потому что я увидела.

— Что?

Она замолчала. Илья почувствовал, как внутри что-то напруглось.

— Лея.

Она подняла глаза.

— Я не могу это сказать.

— Почему?

— Потому что это ускорит.

Марта тихо выдохнула.

— Значит, есть информация, которая опаснее, чем просто память.

Лея кивнула.

— Да.

Илья откинулся на спинку стула.

— Тогда мы уже слишком близко.

— Да, — повторила Лея.

Теперь страх в её голосе уже нельзя было скрыть. Марта поднялась из-за стола. Свет в кухне был жёлтым, слабым, но ровным; экран ноутбука продолжал отсвечивать на стене.

— Может, включить что-нибудь? — спросил Илья. — Музыку?

Лея пожала плечами. Он запустил старую радиозапись. Из динамика заговорил ведущий, бодро перечисляя дорожные заторы. Голос заполнил кухню, и на несколько мгновений Илья почувствовал, что квартира опять принадлежит ему. Потом он перестал понимать слова. Он слышал интонацию, различал согласные, мог сказать, где ведущий делает паузу. Но фразы больше не соединялись. Илья повернул громкость, наклонился к динамику. Ведущий будто продолжал говорить на языке, который Илья знал всю жизнь и только что забыл.

— Ты понимаешь? — спросил он Марту.

Она прислушалась.

— Говорит про мост. Про ремонт... Нет. Подожди.

Лея резко выпрямилась.

— Выключи.

Он выключил. Тишина стала заметнее, но по крайней мере в ней больше не было чужого голоса, притворявшегося знакомым. Марта записала время. Когда она произнесла цифры вслух, Илья увидел, как Лея повернула к ней голову. Живой голос ещё доходил.

— Значит, не любой звук помогает, — сказал он.

— Это потом, — ответила Марта. — Илья, посмотри на неё.

На краю столешницы лежала тень от руки Леи. Она стала светлее остальной тени. Илья видел под ней рисунок ламината, мелкие серые волокна, которые должны были скрываться в темноте. Лея прижала ладонь к столу. Дерево тихо стукнуло под костяшками её пальцев. Илья открыл рот, чтобы спросить, и в последний момент вспомнил обещание слушать прежде, чем продолжать. Свет в комнате на секунду дрогнул. Илья сразу поднял голову.

— Ты это видела? — спросил он.

Марта кивнула.

— Да.

Лея замерла.

— Оно здесь.

Тишина в комнате стала плотной. Слишком плотной.

— Что значит «оно»? — тихо спросил Илья.

Лея не ответила сразу. Она смотрела в одну точку — чуть в сторону, как будто там что-то было.

— Оно наблюдает, — сказала она.

Илья медленно встал.

— Где?

— Не знаю.

Марта закрыла ноутбук.

— Это уже не просто теория.

Свет снова дрогнул. На этот раз сильнее. Илья почувствовал, как в груди резко сжалось.

— Лея.

Она не отрывала взгляда от пустоты.

— Оно не хочет, чтобы я говорила.

— Тогда говори, — сказал Илья.

Она резко повернулась к нему.

— Ты не понимаешь!

В её голосе была паника.

— Если я скажу — меня не станет.

Илья сделал шаг к ней.

— Тогда не говори.

Она смотрела на него. И в этот момент её контур снова стал менее чётким. Быстро. Слишком быстро.

— Илья... — прошептала она.

Он схватил её за плечи.

— Смотри на меня.

Она попыталась сфокусироваться.

— Я здесь.

— Да, — сказал он. — Ты здесь.

Он сжал её сильнее.

— Слушай мой голос.

Марта уже писала что-то в блокноте, быстро, почти судорожно.

— Контакт усилился, — пробормотала она. — Реакция ускорилась.

— Лея! — Илья не отпускал её.

Она закрыла глаза.

— Мне тяжело...

— Оставайся.

— Я пытаюсь...

Её голос стал тише. Слабее. Илья почувствовал, как внутри поднимается страх. Настоящий.

— Не уходи.

Она открыла глаза.

— Я не хочу...

И в этот момент свет погас. Полностью. Комната погрузилась в темноту. Илья почувствовал, как её тело в его руках стало... легче. Слишком.

— Лея?!

Тишина была густой, давящей.

— Лея!

Он на ощупь искал её. Пусто. Сердце билось так громко, что заглушало всё.

— Чёрт!

Где-то рядом зажёгся экран телефона. Марта. Слабый свет. Илья обернулся. Рядом стояла только Марта. Леи не было.

— Нет... — тихо сказал он.

Марта смотрела на него.

— Она исчезла.

Илья не двигался. Затем резко выдохнул.

— Нет.

Он подошёл к столу, схватил блокнот. Открыл. Слова были.

«Лея».

Он провёл пальцем по строке.

— Она здесь.

Марта нахмурилась.

— Это не значит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.